

Жаталья Солнцева

Подручный смерти

Annotation

Прошлое догоняет их и дышит леденящим холодом в спину. Зачем они собрались снова вместе? Может, их объединяет страшная тайна? Но кто же вспомнит об этом!

Лариса и Ренат оказываются в маленьком городишке Грибовке. Здесь на пустыре происходят странные вещи: бродят призраки, жутко кричит какой-то неведомый зверь и погибают женщины.

Балансируя на грани мистического, реального и виртуального, герои пытаются вернуть спокойствие в жизнь этого маленького городка.

Наталья Солнцева

Подручный смерти

© Солнцева Н., 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

С благодарностью Льву Кипнису, замечательному доктору из Чикаго, который подал мне идею этого романа и помогал в его написании.

Рязанская область, город Грибовка

Трое забудыг распивали водку на пустыре, закусывали колбасой и лениво переругивались.

– Слышь, Толян, ты нам шашлык обещал!

– В другой раз. Что-то я продрог. Мокрая нынче осень, холодная.

– Может, костер разожжем?

– Сворачиваться пора, – отрезал Толян. – Темнеет уже.

– Ты че, боишься стакан мимо рта пронести? – захихикал коротышка в замусоленной куртке. – Или решил магарыч зажать?

Компания расположилась рядом с развалинами, которые когда-то были бараками, а теперь превратились в руины. Толян цыкнул на коротышку и погрозил ему пальцем:

– Будешь болтать, чупакабре скормлю!

Коротышка притих и невольно покосился в сторону развалин. Третий собутыльник, бородатый мужик с синим от пьянки лицом, поддержал Толяна:

– В бараках, говорят, нечистая сила завелась. Воеет по ночам, как стая волков.

– Враки! – огрызнулся коротышка.

– А вот и нет, – возразил бородатый. – Мне батя покойный рассказывал, что их бригада эти бараки строила. Батя тогда молодой был, на экскаваторе работал, копал яму под фундамент...

– И че? Золотишко нашел?

– Не перебивай, – приструнил коротышку Толян. – Дай человеку сказать.

– В общем, зацепил батя ковшом бревна какие-то трухлявые, железяки разные... типа домашней утвари. А ночью ему страшный сон привиделся! Стоит над ним колдун и клюкой машет. Ты, дескать, мой дом разорил, покой нарушил. Не будет тебе прощения! Я, мол, до тебя доберусь! И добрался-таки. Батя по пьяни окурок бросил, занавеска занялась, наш дом-то и сгорел. Еле они с матерью успели убежать, в чем были. Потом всю жизнь по общагам мыкались...

– На этом все и кончилось?

– Если бы! Батя запил по-черному, мать колотил... на меня руку поднимал. А рука у него тяжелая...

– Поэтому ты алкашом стал? – поддел его коротышка. – В папашу уродился?

– А ты, типа, трезвенник...

– У нас в Грибовке трезвенников раз, два и обчелся, – ухмыльнулся Толян. – Видать, колдун всех наказать решил, без разбору.

– Басни это все. Бред сивой кобылы.

Рассказчик пропустил реплику коротышки мимо ушей и продолжил:

– Батя не выходил из запоев, и все ему колдун мерещился! Так и помер в белой горячке... Как сейчас помню, лежит и бормочет: «Когда трое мертвых станут живыми, трое живых умрут, а двое встретятся – украденное вернется...» Я ему – «Батя, ты о чем?» – а он заладил одно и то же. Дескать, это колдун шепчет, а он за ним повторяет.

– А че украденное? – не понял коротышка.

– Не твоего ума дело! Я сам не знаю. Думаю, и батя не знал. Белочка, брат, не шутки!

Она любого в бараний рог скрутит.

– Может, твой батя обокрал кого?

– Да не был он вором, – обиделся бородатый. – Чужого не брал, пил на свои, кровные. У матери мог последние копейки отобрать, врать не буду. А на чужой каравай рот не разевал.

Солнце село, и пустырь укрыли мглистые сумерки. Небо потемнело, тени стали черными, как деготь. Из зарослей потянуло прелью.

– Тс-ссс! – привстал Толян и повернулся в сторону руин. – Слышите? Шаги... Там есть кто-то!..

– Да псы бродячие, – ехидно заметил коротышка. – Кому там быть-то?

Бородатый не успел опровергнуть его слова, как будто из самой преисподней раздался жуткий нечеловеческий рык, шипение, свист. От этих звуков забуддыги онемели, оцепенели, протрезвели и, когда смогли сдвинуться с места, бросились врассыпную...

* * *

Москва

Осенью у Рената обострился бронхит. Поднялась температура, от кашля болела грудь. Он слег.

Лариса преданно ухаживала за ним, но ему становилось все хуже.

– Слушай, надо вызвать врача, – забеспокоилась она. – Я не знаю, что с тобой делать. Таблетки ты принимаешь, а толку ноль. Может, стоит антибиотики проколоть?

– Ты врач, тебе виднее.

– Я стоматолог. Бывший.

– Бронхит – это не смертельно, – успокаивал ее Ренат. – Полежу недельку, и все пройдет. Не впервой.

Ночью он бредил. Лариса трогала его лоб, совала под мышку градусник. Тридцать восемь... Она шла на кухню, готовила питье с аспирином, лимоном и медом. Будила Рената, тот недовольно ворчал.

– Нельзя было до утра подождать?

– У тебя бред! Хотя температура не очень высокая. Что тебе снилось?

– Чепуха всякая...

Он пил из принесенной Ларисой чашки, отводил глаза, кашлял.

– А все-таки, что снилось?

– Дождь... деревья... тучи...

– Ты кому-то все говорил: «Не стреляй!.. Ты с ума сошел!.. Не стреляй!..»

Ренат отдал ей чашку и улегся, укрывшись до подбородка теплым одеялом. Его знобило.

– Я такое говорил?

– Да. Я отчетливо слышала: «Не стреляй!»

– Ты же сама сказала, это был бред. Горы какие-то мерещились... непогода... Не приставай ко мне!

Лариса пожала плечами. Ренату плохо, и он, как все больные, капризничает.

– Ладно, спи...

Утром он отказался от завтрака, опять задремал и проспал почти до обеда.

– Есть будешь? – спросила она. – Я жаркое приготовила.

При мысли о мясе с картошкой Рената затошнило. Это отразилось на его лице, и Лариса понимающе кивнула.

– У тебя жар, аппетита нет. Но хоть что-то перекусить надо. Сладенького хочешь?

– Эклеры? – вяло осведомился больной.

– Свежие! – обрадовалась она. – Только что из кондитерской. С шоколадным кремом, как ты любишь.

– Ладно... неси...

Ренат осилил половинку пирожного и отдал Ларисе тарелку.

– Больше не могу. Не лезет.

Она вышла, оставив дверь в спальню открытой. Если Ренату что-нибудь понадобится, она услышит.

Он забылся беспокойным сном. Опять мерещились горы, поросшие лесом, дождь, грязь... Опять он просил кого-то не стрелять. Но выстрел все-таки раздался. Оглушительный и неотвратимый...

Лариса прилегла на диване в гостиной. Бессонная ночь утомила ее. Впервые за то время, как они вместе поселились в Кузьминках, в арендованной у Вернера квартире, Ренат слег с бронхитом. Где он подхватил простуду?

Ее врачебного опыта было недостаточно, чтобы быстро поставить его на ноги. И она вызвала врача. Тот прописал обычные в таких случаях лекарства.

– Не стреляй... – донеслось из спальни. – Не надо...

Лариса приподнялась на локте и прислушалась. Ренат раскашлялся. Она встала, поправила волосы и подошла к нему.

– Что с тобой?

– Не знаю!.. Хрень какая-то... кошмар...

– Принести чаю?

– Если тебе не трудно...

Запах мази для натирания, чай, лампа на прикроватной тумбочке. Мятные конфеты от кашля. Лариса склонилась над изголовьем Рената и потрогала его лоб. Влажный, но не горячий. Таблетки сняли жар.

– Посидеть с тобой?

Он качнул головой на подушке.

– Не надо...

Такого с ним давно не случалось. Он уже подумал, что бронхит отступил. С тех пор, как он живет с Ларисой, кашель ни разу не беспокоил его. И вот, нате вам подарочек!

Едва Ренат закрыл глаза, как снова очутился в горах. Сверху на него с шумом лились потоки воды... грунт под ногами дрогнул и сдвинулся с места...

– Не стреляй...

Вспышка. Ружье в чьих-то руках... Сколько было выстрелов?.. Ренат насчитал два... или три... Все померкло. Перед глазами плыло кровавое марево...

Он проснулся в дурном настроении. За окнами лил дождь. Лариса, напевая, возилась на кухне. Варила кофе.

Ренат едва доковылял до ванной. Под душем ему казалось, что он все еще в горах и кто-то хочет его убить. Вернее, убил.

– Я умер? О, черт...

Он вытерся насухо и закутался в махровый халат. Судя по всему, у него температура. В квартире было тепло, но Рената била дрожь.

– С этим что-то надо делать... – сказал он своему отражению в зеркале.

Вид у него был изможденный. Как будто он не спал в мягкой постели, а всю ночь разгружал вагоны. Небритый, щеки ввалились, под глазами мешки.

– Зачем ты встал? – рассердилась Лариса, увидев Рената в кухне.

– Проголодался.

– Я бы принесла тебе еду в постель.

Часы показывали шесть вечера. На столе желтел омлет в тарелках. Пахло кофе и поджаренным хлебом. Лариса в трикотажном пуловере и спортивных штанах выглядела подомашнему милой.

– В голове шумит, – пожаловался он. – И слабость ужасная. Основательно меня привалило.

Они поужинали, обмениваясь пустыми репликами. После еды Ренат выпил таблетки и скривился.

– Боюсь, лекарства мне не помогут. Сколько я их уже принимал, а толку? Надо ехать!

– Куда? – опешила Лариса.

– На кудыкину гору...

Придорожный отель на трассе

Дежурный проснулся от стука в дверь.

– Откройте! Откройте! Человеку плохо!

Он, сонный и полураздетый, открыл дверь. В коридоре стоял парень в очках, который снял номер на двоих с товарищем.

– Человеку плохо, – повторил тот. – Я не знаю, что делать.

– Че случилось? – не понял спросонья дежурный. – Кому плохо-то?

Вчера они с напарником допоздна кутили, праздновали день рождения. Напарник напился вусмерть и дрыхнет теперь, как убитый. «А мне отдувайся, – подумал дежурный, натягивая свитер. – Плохо кому-то! Хоть бы не роженице! Где ей акушера искать посреди ночи? Вдруг до приезда «скорой» не дотянет?»

– Ой, блин...

Он вспомнил беременную женщину из третьего номера и мысленно взмолился, чтобы с той все было в порядке.

Очкарик переминался с ноги на ногу и нервно почесывался.

– Он вдруг ка-а-ак заорет посреди ночи. У меня душа в пятки ушла! Сердце до сих пор колотится!

– Кто орал? – спросил дежурный.

– Начальник мой. Нас двое в номере...

Дежурный вздохнул с облегчением. Слава богу, роды ему принимать не придется. Носиться туда-сюда с тазиком, таскать горячую воду, полотенца и простыни – это не для него.

– Я жутко испугался, – добавил очкарик. – Он мог на меня наброситься!

– Начальник? Я думал, это твой приятель.

– Не-а. Мы в одной экспедиции работаем. Он старший группы, я у него в подчинении. Мы из Турана на попутках едем, устали до чертиков.

Дежурный понятия не имел, что за Туран такой, но спрашивать не стал. Какая ему разница, кто откуда едет и кто чем занимается? Отель стоит на трассе, тут кого только не бывает. Но вчера вечером он обратил внимание на этих двоих. Мужик постарше и с ним щуплый парнишка в очках. Чистый «ботан». С виду – приличные люди, вежливые, культурные. Не то, что дальнобойщики и прочая шоферня.

– Идем.

Дежурный зашагал вперед, парень семенил за ним. У номера он остановился и подергал ручку, дверь не открывалась.

– Он что, изнутри заперся, начальник твой?

– Наверное... Ужас какой-то! – вполголоса затараторил «ботан». – Вы бы слышали, как он орал!.. Лежит и машет руками в воздухе!.. Помогите! – вопит. – Убивают!.. А рядом никого, кроме меня... Представляете?..

– Пили? – сухо осведомился дежурный.

– Нет, что вы!.. Только чай. Переведите меня в другой номер до утра! Я с ним ни минуты не останусь!

– Точно не пили?

– Клянусь! Дыхнуть?

– Ладно, верю.

– Думаете, у него «белочка»? – засомневался очкарик. – Вряд ли. Он трезвый был, как стеклышко. И вообще... он почти не пьет. Мы с ним вечером болтали о том о сем. Мы археологи!

– По-твоему, археологи не пьют?

– Он трезвый был, – стоял на своем парень. – Это как раз и пугает! Если бы спьяну... тогда другое дело. Что я, не понимаю?

– А как у него со здоровьем? Может, он псих?

– У него горло болит. Ангина.

– Тогда все ясно. Температура высокая, бред. Ему врач нужен.

«Ботаник» сразу изменился в лице, расслабился. Предположение дежурного успокоило его.

– Точно! Температура! Как я сразу не догадался? Фу-у-у! Это меняет дело. Ему бы аспирин выпить не помешало. Где тут у вас аптека?

– Далеко.

Дежурный нахмурился и полез в карман за ключами от номера. Но открывать не спешил.

– Может, ты сам чего накурился? Травку употребляешь?

– Я не наркоша, – обиделся очкарик. – Курю обычные сигареты.

– Ладно, как его зовут, начальника твоего?

– Михаил... Михаил Слепцов! Он хороший человек... только странный немного.

Дежурный ощутил неприятный холодок под ложечкой, зачем-то перекрестился и открыл номер служебным ключом...

* * *

Москва

Ренат в теплой жилетке и шерстяных носках сидел в гостиной за ноутбуком. Лариса наблюдала за его действиями. Он пытался нарисовать в фотопрограмме некий женский образ. Молодое тело, покрытое цветными тату, косички, скуластое лицо с раскосыми глазами...

– Черт, не клеится!

– А по-моему, шикарно. Ну и кто она?

– Так, никто, – отмахнулся он. – Соскучился по бывшей работе. Я же все-таки художник.

– Дизайнер по интерьерам, – заметила Лариса.

– Ну и что? Я не имею права рисовать женщин? Ты ревнуешь?

– Допустим, – солгала она. – Тебе нравятся татуировки по всему телу? Почему я до сих пор не слышала об этом?

Ренат промолчал. У него начинался приступ. Он сдерживался, пока мог, потом разразился надрывным сухим кашлем.

Лариса побежала в кухню за теплым молоком. Когда она вернулась, кашель стих, а Ренат был полностью поглощен рисунком.

– Что с тобой?

– Ты имеешь в виду бронхит? – вскинулся он. – Очередное обострение.

– Я принесла молоко с медом. Выпьешь?

– Потом...

Он чего-то недоговаривал, не хотел с ней делиться. Женщина на его рисунке становилась все более живой.

– Почему она голая? – спросила Лариса.

– Татуировки... Под одеждой их не будет видно.

– Такая необходимость их видеть?

– Угу...

– Кто эта женщина, Ренат?

– Не знаю.

Он правда не знал. Отвечал односложно, потому что боялся выказать свой страх. Ему казалось, этот рисунок что-то прояснит, сделает понятным.

Лариса села рядом, сложила руки на коленях и проговорила:

– Она стреляла в тебя в твоём бреду?

– Не знаю! – напрягся он. – Я плохо помню.

– Тебе известно, что бреда не существует. Это фрагменты иной реальности. Вернер учил нас любую мысленную картинку принимать всерьез. Ты уже имел возможность убедиться в его правоте. Мы не зря посещали его клуб.

– Чертов клуб!.. Он перевернул нашу жизнь! Теперь все не так, как раньше.

– Разве мы не сами этого хотели?

Ренат оторвался от рисунка и поежился. Его бросало то в жар, то в холод. Он понимал, что Лариса хочет ему помочь. Ее настойчивость почему-то раздражала его.

– Отстань, а?

– Вот, как ты заговорил? – притворно рассердилась она. – Грубиян!

– Прости, я погорячился. В голове ужасная муть... я не выспался, тело как побитое, а тут еще ты со своими вопросами.

Лариса показала пальцем на экран ноутбука и осведомилась:

– Ты ее боишься?

– Она опасна, я чувствую.

– Где ты мог ее видеть? Кроме бреда, разумеется.

– Нигде. Я даже в бреду ее не видел! Откуда этот образ – ума не приложу. Решил запечатлеть, чтобы разобраться. На кого она похожа, по-твоему?

– На какую-то монголку... Она точно азиатка. Разрез глаз, скулы... Дикая степная красота. Вряд ли сейчас можно встретить такую женщину. От нее веет древностью...

– Ты считаешь?

Ренат хлебнул теплого молока, чтобы не обижать Ларису. Она заботится о нем, а он ведет себя, как неблагодарная свинья. В груди у него саднило, от слабости на лбу выступил пот. Он достал из кармана носовой платок и промокнул лицо. Женщина в татуировках презрительно щурилась. Да нет! Это у нее глаза узкие.

– Выходит, во сне в меня кто-то стрелял, – неуверенно молвил Ренат и кашлянул. – Вдруг, сон вещий? И в меня будут стрелять. Все путается, наслаивается друг на друга. Непогода... горы... выстрелы...

Он содрогнулся, плотнее запахнул жилетку. Лариса не сумела осуществить

телепатическое подключение к женщине, изображенной на экране ноутбука – ее словно током ударило. Она дернулась, и это не ускользнуло от внимания Рената.

– Не вышло? – усмехнулся он.

– Странная особа. Надеюсь, ты не собираешься...

Лариса осеклась и замолчала. Женщина в татуировках одобрила ее сдержанность. Не вмешивайся, мол.

– Надо ехать! – брякнул Ренат. – Меня тянет куда-то...

– Ты болен, тебе надо лежать.

– В могиле?

Лариса укоризненно покачала головой. Что с ним творится?

– Куда ты хочешь ехать, Ренат?

– Соображу по ходу дела...

Придорожный отель на трассе

Дежурный был готов ко всему, вплоть до трупа. Но представшая перед ним картина повергла его в шок.

В номере горел свет. Обе кровати были разобраны. Жилец забился в угол, накрыл голову подушкой и тихонько поскуливал. Казалось, он не слышал, что кто-то вошел.

– Что с вами? – твердым голосом спросил дежурный.

– Он не в себе! – прошептал ему на ухо очкарик. – Видите? Вы были правы! Похоже, у него сильный жар... Слишком сильный!

– Да погоди ты, – дежурный сделал шаг вперед и повторил вопрос: – Что с вами, Михаил? Вам плохо?

Вчера этот мужчина производил впечатление нормального человека. На алканавта действительно не похож. Спиртным в номере не пахнет, курувом тоже, бутылок не видно.

– Вам врач нужен?

С беднягой явно что-то неладно. Он прижимал к себе подушку с такой силой, словно та была его единственным спасением.

– Я дежурный. Со мной ваш сотрудник...

– Вадик! – подсказал «ботан».

– Ага, Вадик. Вам нечего бояться.

– Он нам не верит, – прошептал очкарик.

Дежурный сделал еще пару шагов вперед и предложил:

– Взгляните на нас, Михаил. Мы – ваши друзья. Мы хотим помочь вам...

Мужчина как будто не слышал обращенных к нему слов. Он продолжал прижимать к себе подушку, но поскуливание прекратилось. Это был хороший знак.

– Это я, Михаил Юрич, – бубнил «ботаник» из-за плеча дежурного. – Вадик! Вы меня помните?

Руки мужчины, впившиеся в подушку, разжались, и раздался то ли приглушенный всхлип, то ли вздох.

– Посмотрите на меня, Михаил Юрич, – воодушевился очкарик. – Это я, Вадик!

Он вышел вперед и повторил это несколько раз, словно магическое заклинание, которое должно было привести его спутника в чувство. Потом добавил:

– Мы вместе приехали сюда автостопом, остановились на ночлег. Вспомнили?

Скрюченный человек выпрямился, подушка медленно сползла вниз, из-за нее показалось вытянутое бледное лицо с шальными глазами.

– Кажется, подействовало, – шепнул Вадик дежурному.

Михаил не сразу понял, что ему ничего не грозит. Он долго смотрел на вошедших, потом глубоко вздохнул, и его щеки слегка порозовели от смущения.

– Что это... было? – осипшим голосом спросил он и выронил подушку. – Зачем ты напал на меня?

– Я? – поразился Вадик. – Михаил Юрич, я вас и пальцем не трогал! Клянусь! Вы бредили из-за температуры. Вам показалось. Вы больны... У вас горло. Ангина.

Он обернулся к дежурному со словами:

– Тут есть градусник? В отеле должна быть аптечка.

Аптечка была. Картонная коробка в подсобке, полная просроченных лекарств, бинтов, йода и пластыря. Насчет градусника дежурный засомневался.

– Давайте лучше неотложку вызовем, – предложил он.

– Когда она приедет? К утру? А до тех пор что? Умирать? Несите градусник, – осмелел «ботаник». – И аспирин. Аспирин точно должен быть!

Михаил Юрьевич постепенно приходил в себя. Он обнаружил, что сидит в углу кровати в футболке и трусах, и поспешно натянул одеяло. Сквозь пелену дурноты он вспоминал, как здесь оказался. Боль в горле была ужасная. Ему не следовало пускаться в дорогу с ангиной. Но болезнь преследовала его практически постоянно. Ему становилось то лучше, то хуже. Если бы он ждал выздоровления, неизвестно, когда смог бы уехать из Турана.

– Ну что, я пошел? – пожал плечами дежурный. – Поищу градусник и таблетки.

– Можно еще водочный компресс сделать, – подсказал Вадик.

– С водкой проще...

Дежурный вышел за дверь, очкарик остался. Он смотрел на своего спутника и качал головой.

– Как вы могли подумать, что я на вас набросился? Я не бандит какой-нибудь.

– Прости, брат. Я ни черта не понял! Мне снился кошмар. Кто-то начал меня душить, я отбивался... Ты уверен, что в номере никого не было? Может, нас хотели ограбить?

– Че у нас брать-то?

– Верно... – опустил глаза Слепцов. – У меня, видать, температура подпрыгнула. Проклятая ангина! Вчера в машине меня продуло. Водитель без конца курил и приоткрывал окно. И ведь не скажешь ему, что дует. Высадит к чертовой матери, и новую попутку лови.

– Зря вы с собой лекарства не взяли. Знали же, как может быть.

– Почему не взял? Они всегда со мной, и аспирин, и антибиотики. В кармане куртки.

– Что же вы молчите?

Вадик бросился к вешалке, куда Слепцов повесил куртку, и начал рыться по карманам в поисках таблеток.

– Вот!.. Отлично...

Дежурный принес градусник, пластинку аспирина и полбутылки водки. Температура у Слепцова была, но небольшая, не дотянула до тридцати восьми.

– Пожалуй, «скорая» не нужна, – заключил Вадик и растерянно взъерошил свой чубчик. – Напугали вы меня, Михаил Юрич! Я человека потревожил посреди ночи. Панику поднял!

– Ничего, – скрывая раздражение, процедил дежурный. – Бывает.

Он забрал обратно недопитую накануне водку и удалился. В коридоре он остановился и прислушался. Странные жильцы попались. Стремные. Особенно старший. Конченный шизик! Ему определенно что-то померещилось.

Дежурный хлебнул водки прямо из бутылки и зашагал к себе спать. Он уже засыпал, когда по коридору кто-то пробежал, хлопнула какая-то дверь.

– А ну вас! – буркнул он, зарываясь с головой под одеяло.

Слепцов с Вадиком тоже пытались уснуть. Парня быстро сморило, а его начальник долго лежал, глядя в потолок, и вспоминая свой страшный сон. Он будто бы сидел в каком-то кресле и смотрел вниз... Черный лес стремительно отдалялся, словно Слепцов летел над ним, поднимаясь выше и выше... Вдруг за его спиной что-то шевельнулось, мелькнуло,

дохнуло... чьи-то пальцы сомкнулись на его горле... Грохот, удар... и приторный вкус крови во рту...

– Боже, – прошептал он, жалея, что не выпил водки. Хотя спиртное с лекарствами лучше не смешивать.

Вадик мирно посапывал рядом, а Слепцов боялся закрыть глаза. Вдруг повторится тот же самый ужас? Неужели он бредил? С ним и раньше такое случалось, но содержимое бреда было совершенно иным. Крысы и пауки теперь казались вполне безобидными тварями на фоне недавнего кошмара. Слепцов сам испугался и Вадика испугал. Ему было неловко за свое поведение, но изменить уже ничего нельзя.

Лежа без сна, он размышлял над последними событиями. Они с Вадиком добирались сюда на перекладных. Самолетов оба не выносили, поэтому путешествие затянулось. К тому же пришлось экономить деньги. Отпуск им не полагался, и они выпросили у начальника экспедиции месяц за свой счет. Раскопки на реке Уюк были свернуты до весны, и все сотрудники перебрались в город заниматься рутинной бумажной работой – сортировать находки, анализировать, описывать. Ничего существенного археологам не попало – так, всякая мелочь: обломки керамики, ржавые наконечники стрел, гнилые деревяшки, лошадиные кости...

Слепцов незаметно задремал и опять очутился над черным лесом... опять позади него что-то зашевелилось, метнулось, и он начал задыхаться...

* * *

Город Грибовка в Рязанской области

Мариша жила в частном деревянном доме. Три окна выходили на улицу, остальные – в старый яблоневый сад. Во дворе бегала рыжая собачонка, которую на цепь сажать было совестно. Забор покосился, крышу чинить пора. Хозяйство нуждалось в мужской руке.

– Не сиди на работе допоздна, – переживала мать. – Негоже по темным улицам одной шастать. Боюсь я за тебя. Вон сколько хулиганья развелось! Того и гляди, сумочку вырвут, золото снимут.

– У меня сегодня вторая смена.

– Замуж тебе надо, дочка. Тогда бы муж с работы встречал, а я бы не волновалась.

– Какие у нас в городе женихи? Пьянь одна! Я не собираюсь, как ты, всю жизнь с алкоголиком мучиться. Лучше в девках останусь.

– Отец умер. И хватит об этом.

– Не нравится?

Они с матерью повздорили на пустом месте. Мариша сама понимала, что с каждым годом шансы найти хорошего мужа тают, как снег весной. Но женихи в Грибовке в самом деле незавидные. Кто поумнее да половчее, разъехались. А на прочих хоть не смотри.

Мариша причесывалась, красилась у большого овального зеркала. Мать исподтишка наблюдала за ней. Девушке стало ее жаль. Что она в жизни видела, кроме бесконечного труда и разборок с непутевым супругом?

– Мам, я пошла, – примирительно улыбнулась она. – Закроешь за мной?

– Ты чего без шапки-то? Голову застудишь.

– Все, пока...

– Не ходи мимо пустыря, – сказала мать. – Там третьего дня драка была. И вообще, говорят, в старых бараках чупакабра объявилась. Рычит смертным рыком и на людей кидается.

– Кого-нибудь уже загрызла?

– Типун тебе на язык!

Мариша чмокнула ее в щеку и выпорхнула за порог. В последнее время она с удовольствием спешила на работу. Перед ней забрезжила любовь, хотя она себе в этом не признавалась. Неразделенное чувство – тоже романтика.

Осень в Грибовке выдалась дождливая. Деревья облетели, на голых ветках сидели крикливые галки. В низинах лежал туман. В такие дни наваливается беспричинная тоска, а длинные вечера невыносимо скучны. Нынче же Мариша была в приподнятом настроении. Она предвкушала кое-что приятное. И так крепко задумалась, что свернула в проулок и... оказалась на пустыре.

Когда девушка поравнялась с местом, где стояли заброшенные бараки, ей показалось, что в кустах кто-то прячется. Только бы не выпивоха, которого хлебом не корми, дай покуражиться над случайным прохожим! Тот если пристанет, не отцепишься.

Мариша замедлила шаг и оглянулась. Вокруг – никого. Кусты шевелил ветер, развалины бывшего жилья облюбовали бродячие псы. Вероятно, они ее и напугали.

Она старалась успокоиться, но внутренняя паника стремительно нарастала. Большой ворон с карканьем взмыл вверх над руинами, и она вздрогнула от страха. Не к добру это...

Внезапно вороний грай разрезал жуткий звук. В уши словно вонзились сотни игл, сердце отчаянно забилося. Мариша закричала и кинулась бежать. Ее крик утонул в ужасающем свисте смерти. Она животным чутьем угадала природу этого звука, потому что все мысли и чувства поглотил всепроникающий страх...

Бортников едва устоял на ногах. На него с размаху налетела девушка. Она словно из-под земли выросла. Он не успел ничего сообразить, а девушка, похоже, обезумела. Она прижалась к нему, трясась в ознобе и нервно повторяя:

– Спасите!.. Помогите!..

Бортников узнал в ней молоденькую медсестру из поликлиники, куда он устроился терапевтом.

– Что с вами?

– За мной гонятся...

– Кто?

Он оглянулся. Кроме них двоих на тихой улочке, застроенной деревянными домами, не было ни души. К заборам тулились рябины, увешанные перезрелыми ягодами. Во дворах остервенело забрежали собаки, словно ждали подходящего момента.

– Слышите?.. Слышите?..

– Собаки лают, – подтвердил Бортников. – Они здесь клятые, все до одной.

Моросил мелкий дождь, и волосы девушки намокли, но она этого не замечала. Ее тело сотрясала дрожь.

– У вас есть зонтик?

Этот простой вопрос заставил ее опомниться. Девушка подняла глаза и обомлела.

– Вы?.. Как вы... здесь оказались?

– Я всегда хожу этой дорогой. Снимаю половину дома неподалеку.

– Вы... слышали?.. Чупакабра!

Бортников слышал странный отдаленный звук, но не придал этому значения.

– Чупакабра? – рассмеялся он. – Вы шутите!

– На пустыре...

– Пустырь – дурное место. Но вряд ли там водятся чупакабры. Вряд ли они вообще существуют.

Девушка, по-видимому, не разделяла его мнения. Она все еще дрожала от страха.

– Вас кто-то напугал? – спросил Бортников и легонько встряхнул ее. – Эй!.. Взгляните на меня! Все хорошо.

– Я не знаю, что это было...

– Я с вами, и вам теперь нечего бояться. Проводить вас домой?

– Нет... я на работу...

– Тем лучше, – улыбнулся Бортников. – Я тоже. Значит, нам по пути.

Он напряженно вспоминал, как ее зовут. Кажется, Марина. Нехорошо будет, если он ошибется.

– У вас есть зонтик? – повторил он вопрос. – Или придется мокнуть? В такую погоду простудиться – раз плюнуть. Я-то закаленный, а вы станете моей пациенткой!

Доктор пытался развеселить девушку, но потерпел фиаско.

Они молча добрались до поликлиники и разошлись в разные стороны. Она отправилась греться и пить горячий чай, а Бортников поспешил в кабинет, у которого его поджидали больные.

Ренат решил ехать на своей машине. Как Лариса его ни отговаривала, он был непреклонен. Все ее доводы разбивались об его упрямство. Наконец она сдалась.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь!

Они выехали из Москвы рано утром, когда рассвет проступал на востоке зеленым маревом. Фары вырывали из тумана дорожные указатели. Капли влаги оседали на лобовом стекле, и приходилось включать «дворники».

– Куда мы направляемся? – не выдержала Лариса.

– Будем руководствоваться не умом, а наитием, – хрипло ответил Ренат. – Как учил Вернер.

– Ты можешь объяснить, что происходит? Куда тебя несет?

– Если бы мог, объяснил бы.

Он сильно кашлял, но температура упала до тридцати семи, что позволило ему сесть за руль. Лариса дремала на переднем сиденье. Через пару часов Ренат разбудил ее перекусить.

– Проголодался? – оживилась она. – Это хороший признак.

– У меня слабость, – пожаловался он. – Руки дрожат. Я весь мокрый под свитером. Футболку хоть выжимай. Не мешало бы переодеться.

– В машине нельзя.

– Почему? Печка работает, одежда в сумке.

– Я все-таки врач, – возмутилась Лариса. – И я против! Надо остановиться в отеле, привести себя в порядок, отдохнуть.

– Некогда отдыхать.

– Куда ты торопишься? Боишься опоздать?

Ренат молча съехал на обочину, достал термос и налил себе чаю. Горячее питье придало ему сил. От бутерброда он отказался. Съел треть плитки шоколада и удовлетворенно вздохнул.

– Ну вот, можно трогаться.

Лариса сердито смотрела по сторонам. Голые березы, косматые елки, серое небо, морось. В такую погоду не хочется нос из дома высовывать, не то что мчаться неизвестно куда. Но Рената не остановишь. Что-то гонит его вперед, в неизвестность. И это «что-то» – таит угрозу.

С помощью навигатора Лариса отыскала придорожный отель. До него рукой подать, каких-нибудь пять километров.

Мокрая лента асфальта поблескивала в свете фар. Не доезжая до поворота, Ренат притормозил.

– Возьмем попутчика?

– С какой стати? – возмутилась Лариса. – Ты только взгляни на него! Небритый, с рюкзаком на плече.

– Я сам небритый.

Ренат не послушался и посигналил мужчине, который не поверил своему счастью. Водитель белого джипа не прочь взять его пассажиром?

– До Грибовки подбросите?

– Садись, – Ренат кивком головы указал назад.

– У меня денег нет.

Лариса поняла, что человек с рюкзаком лжет. Деньги у него были. Небольшая сумма, которую он, по-видимому, не хочет тратить. Приберегает для чего-то более важного.

Едва пассажир уселся и поставил в ногах свой рюкзак, перед ней раскрылись картины его жизни. Совсем недавно он обитал в палатке, в полевых условиях. Ловил рыбу для ухи, копался в земле, перебирал какие-то черепки...

– Вы археолог? – спросила она.

– У меня на лбу написано? – угрюмо отозвался он.

– Именно так.

Пассажир насупился и уставился в окно. Горло у него замотано теплым шарфом, на щеках алеют пятна. Он болен.

– Вы живете в Грибовке? – допытывалась она.

– Нет.

– Значит, в гости едете?

Археолог ехал к родственникам. Она нарочно вызывала его на разговор. Попутчик плохо выглядел, а чувствовал себя еще хуже. Он провел бессонную ночь в гостиничном номере, пережил настоящий кошмар... Его хотели убить?..

– У вас что-то случилось?

– А вам какое дело? – огрызнулся пассажир.

– Э-э! Будешь хамить – высажу! – рассердился Ренат.

– Простите... Я нездоров. У меня температура. Можно, я вздремну?

Ренат покосился на Ларису, и она оставила археолога в покое. Пусть человек отдыхает. Ему и так не сладко, а тут еще цепляются с вопросами.

Археолог добирается в Грибовку издалека. Он провел много времени в пути... Его сопровождал молодой парень. Потом они расстались. Парень поехал в одну сторону, а этот мужчина – в другую.

Пассажир притворялся, что дремлет. На самом деле он заново переживал ночной переполох, приступ панического ужаса...

Ренат молча вел машину. Он думал о попутчике. Пытался установить с ним телепатический контакт. Так, на всякий случай.

Ларису напрягало присутствие археолога. Во всем этом крылось нечто зловещее. Человек на заднем сиденье беспокоил ее. Они неспроста встретили его на дороге. Неспроста взяли с собой. Грибовка... Что ждет их в маленьком депрессивном городке?

Мимо пробежал темный от дождя ельник, потянулись сжатые рыжие поля. Когда начали попадаться деревянные домики, Лариса опомнилась:

– Мы отель проехали!

Ренат раскашлялся. Ему нужно переодеться, а он «забыл» остановиться у гостиницы. Ей назло.

– Я терпеть не могу отели для дальнобойщиков, – пояснил он.

– Как будто ты там хоть раз останавливался!

– Нет. И не жалею.

Пассажир продолжал прикидываться спящим. Он не хотел, чтобы ему задавали вопросы. В Грибовке живет его сестра, он говорил с ней из Турана перед отъездом. Связь была никудышная.

Слепцов, – а это был он, – не заметил, как мысленно перенесся обратно в экспедицию.

Он давно рвался в Туву, будто там медом намазано. Река Уюк протекала в межгорной котловине, у подножия хребтов росли вековые кедры. Слепцов готов был получать гроши, лишь бы участвовать в тамошних раскопках. Находки, – плод упорного кропотливого труда, – разочаровали его. К тому же он постоянно болел. Ангина подтачивала его силы, выматывала, он жил на таблетках, и в конце концов не выдержал. Решил подлечиться.

Вадик вызвался ехать с ним. Слепцов даже обрадовался. Добираться на попутках одному было страшновато. Из-за болезни. Вдруг прихватит основательно? Как тогда быть? Всю дорогу его лихорадило, но он держался. А в отеле стало совсем худо. Ночью Слепцов, видимо, пережил кризис, и к утру ему полегчало.

Воспоминания хаотично менялись, перемежаемые картинками жизни в экспедиции. В свободное время Слепцов бродил в одиночестве по горам, искал что-то. Над ним подшучивали. Мол, ему не дают покоя лавры более удачливых коллег. Долину реки Уюк не зря назвали Долиной царей. Здесь у поселка Аржан были раскопаны два знаменитых кургана. Но не курганы интересовали Слепцова.

По ночам ему чудились горестные стенания, он вскакивал, прислушивался... а утром просыпался с тяжелой головой. Ему казалось, его кто-то преследует...

Даже сейчас, в машине, Слепцова не покидала тревога. Он проваливался в забытие, и сразу же мутная волна боли накрывала его и несла вверх, в темное небо... Он поднимался высоко над лесом, чтобы камнем рухнуть вниз, ломая крылья и кости... кости и крылья...

Грибовка

– Опять вы, Чемагин? Что случилось? Вам стало хуже?

– Не помогло ваше средство, доктор, – усмехнулся пациент, оглядываясь по сторонам. – Может, что-нибудь еще пропишете? Посильнее? Я заплачу, сколько скажете.

Доктор Бортников после работы принимал больных в жилой комнате, оборудованной под кабинет. Здесь стояли стол, шкаф со всевозможными снадобьями, кушетка за ширмой и пара стульев. На стене – большое фото крокодила. Как будто ничего лучшего не нашлось. Убогая обстановка. И городишко убогий.

– Я вынужден торчать в этой дыре исключительно из-за вас! – не выдержал пациент. – Мне теща сказала, мол, есть в Грибовке чудо-доктор, любую хворь лечит. Езжай, зятек, спасайся. Я и приехал. Думал, придет конец моим мучениям.

– Чуда ждете?

– Жду. А как же? Мне болеть нельзя. У меня работа ответственная. Шофер я, дальнбойщик. За баранкой сижу день и ночь. А ну, как в дороге приступ схватит? Что тогда? Авария? Пожалуйте в кювет? Или, чего хуже, на встречу вынесет?

– Время нужно, Чемагин. Время. Наберитесь терпения. Нет такого средства, чтобы подействовало мгновенно. Щелк! И вы здоровы!

– Неплохо было бы...

Пациент выглядел помятым и недовольным. Он провел бессонную ночь и надеялся получить у врача конкретную помощь, а не слушать пустую болтовню.

Бортников внимательно наблюдал за ним. Выражение лица, жесты, взгляд, одежда имели для доктора значение. Он пришел к выводу, что поставить человеку верный диагноз на основании чисто медицинского обследования невозможно. Особенно, если болезнь – редкая и непонятная, как у Чемагина. За симптомами и анализами порой стоит такое, о чем в учебниках не написано.

– Дайте мне другой препарат, – требовал больной. – Иначе я на вас жалобу накатаю.

Бортников невольно рассмеялся. Чем-чем, а жалобами его не испугать. Он и так в захудалой поликлинике работает. Если уволят, поедет дальше. Хоть на Камчатку! Не беда. Он и с камчадалами общий язык найдет, будет их лечить по своему особому методу. Везде люди живут, и везде они болеют. К сожалению.

– Не бойтесь, значит? – нахмурился Чемагин.

– Не боюсь.

– Что же мне сделать, чтобы вы меня услышали? Больше денег заплатить?

– Если понадобится, я скажу.

– Зачем вы крокодила на стену повесили?

– Мне нравится это животное.

– Странный вы человек, Бортников...

– Спасибо за комплимент.

Чемагин криво улыбнулся. Он страдал странным синдромом: ни с того ни с сего начинались боли в спине и одышка.

На вид это вполне здоровый мужчина тридцати шести лет, хорошо развитый, поджарый.

В коротком ежике волос пробивается седина, лицо выбритое, цвет кожи нормальный.

– Как же вы комиссию прошли? – не выдержал доктор. – С таким заболеванием за руль нельзя.

– Это не вам решать. А болезнь мою на комиссии не выявить. Приступы у меня редко бывают, в основном по вечерам, и никому о том не ведомо. Кроме напарника, разумеется. Едва солнце за горизонт, мы местами меняемся. Я – на боковую, а он – за баранку.

Документов доктор у больных не спрашивал, верил на слово. К нему приезжали на консультации отовсюду. Некоторые хотели сохранить инкогнито, и Бортников принимал их у себя дома, а не в поликлинике. Вот и Чемагин, может статья, вовсе не Чемагин. Если приглядеться, на водителя-дальнобойщика он не похож. Скорее, спортсмен... или служащий. Среднего роста, жилист, крепок. Поддерживает физическую форму, хорошо питается. Какой-нибудь владелец фитнес-клуба или тренер. А прикидывается шофером. Зачем?

– Че вы меня глазами сверлите? – возмутился пациент.

– Извините, задумался...

Бортникову казалось, не только он исподволь изучает Чемагина, но и тот его. Между ними возникла взаимная подозрительность.

– Когда у вас впервые случился приступ? Помните?

– Я обязан отвечать?

– Вы же хотите поправиться?

– А что, это имеет значение, когда меня первый раз прихватило?

– Кто из нас врач? – улыбнулся Бортников. – Вы или я?

– Ну, вы...

Чемагин устался в угол комнаты и напруг память. Он настолько привык к своей болезни, что казалось, она была всегда. Еще ребенком у него «вступало в спину». Мать таскала его по докторам, но бесполезно. Каких только диагнозов ему не ставили – от сколиоза до невралгии. С годами к болям прибавилась одышка и внутренняя паника. Он научился скрывать свой страх от всех, считая это слабостью.

– У меня с детства спина болит.

– Травмы были?

– Я падал...

– Сильный ушиб позвоночника? Может, прыгнули неудачно? Или подрались?

– Все пацаны падают и дерутся! – разозлился Чемагин. – Мне рентген делали. Много раз! Снимки ничего страшного не показали. Я же вам приносил результаты последнего обследования! И компьютерную диагностику в том числе.

– Да, да. У вас есть некоторые нарушения, но... таких болей и одышки они давать не могут.

– Это я уже слышал. Потому и приехал к вам. Думал, вы умнее городских эскулапов, которые деньги гребут, а толку мало. Устал я ходить по кабинетам, одно и то же слушать. Мне помощь нужна! Я готов платить, но за конкретный результат.

Бортников пожал плечами.

– У меня не семь пядей во лбу. А вы что-то скрываете.

– Че мне скрывать-то? Я не для того здесь торчу, чтобы...

Пациент сдержал ругательство и сердито нахмурился.

– С чем вы сами связываете свою болезнь?

– Я? – Чемагин шумно вздохнул и развел руками. – Черт ее знает! Может, сглазил кто...

Прицепилась дурная хворь и не отпускает! Я все перепробовал, чтобы от нее избавиться. И массажи, и грязи, и таблетки дорожные, и разные упражнения...

У него вдруг кольнуло в спине и перехватило дыхание. На миг показалось, что начинается приступ. Среди бела дня! Такого еще не было. Чемагин превозмог внутреннюю дрожь и натянуто улыбнулся. Недомогание рассеялось.

– Что с вами?

– Достали вы меня своими вопросами! Вы врач или исповедник?

– Лечение менять не будем, – заявил Бортников. – Принимайте то, что я вам дал, через три дня жду на прием.

Пациент процедил сквозь зубы нечто невнятное, вышел и хлопнул дверью. Бортников привстал и выглянул в окно. На улице моросил холодный осенний дождь. Чемагин натянул вязаную шапочку и зашагал прочь, не замечая луж. Он был в непромокаемой куртке и джинсах, заправленных в сапоги. Обычный прохожий, который ничем не выделяется в толпе.

– У дальнобойщиков походка другая, – пробормотал Бортников, задергивая тюлевую занавеску...

* * *

Пассажир очнулся и в ужасе уставился на Рената.

– В-вы кто?

– Я водитель джипа, в котором вы едете.

– К-куда? Куда меня везут?

– В Грибовку! Что, память отшибло?

У археолога зубы стучали от страха, лицо перекопилось. Он озирался по сторонам, словно не понимал, где находится.

– Вы кричали во сне, – вмешалась в разговор Лариса. – Пришлось вас разбудить.

– С-спасибо...

– Может, вас в больницу подвезти? Тут есть больница?

– Где?

– В Грибовке! – гаркнул Ренат и закашлялся. Он так и не удосужился переодеться, и влажная от пота футболка неприятно холодила спину, что не прибавляло ему добродушия. – Вы же до Грибовки просили подбросить? Ну вот, приехали!

– Грибовка... У меня здесь сестра живет, – осенило пассажира. – Родная сестра. Я к ней еду...

– Вы адрес-то ее помните?

Археолог наморщил лоб и задумался. Адрес. Мысли его разбегались, путались. В глазах темнело от боли. Он с трудом плотнул густую слюну и выдавил:

– Улица Кирова, дом... семнадцать...

– Уже веселее, – кивнул Ренат. – Вы чего орал, как будто вас режут?

– Душат... У меня горло! – пассажир поправил теплый шарф на шее и добавил: – Извините, я не хотел вас пугать.

– А мы пуганые.

«Хендай» Рената стоял на маленькой площади, обсаженной голубыми елками. Это был центр города, такой же унылый, как и окраины.

– Где ваша улица Кирова? – спросила Лариса у растерянного археолога. – Налево или направо?

Тот хотел повернуть голову и застонал от боли.

– Кажется, туда...

– Давно сестру не проводывали? – усмехнулся Ренат. – Забыли, где живет?

– Человек болен, – вступилась за пассажира Лариса. – У него жар.

Ренату стало неловко за свои слова. Чего он привязался к этому несчастному археологу?

Его удивила поднявшаяся внутри волна раздражения.

Пассажир сидел хмурый, кутаясь в шарф и помалкивая. Он решил не злить водителя. Не то его высадят, и придется топтать пехом по грязи, мокнуть под дождем.

– Ладно, поехали направо, – кивнул Ренат.

Улица Кирова была застроена деревянными домами. Печные трубы дымились, за оконными стеклами виднелись горшки с цветами. Дом номер семнадцать отличался от соседних пристроенной верандой, выкрашенной в голубой цвет. Во дворе заходила лаем лохматая собака. Ей вторили псы со всей округи.

Археолог обрадовался, схватил рюкзак, вышел из машины и резво потрусил к калитке, забыв поблагодарить.

– Красавец, – покачал головой Ренат. – Хоть бы ручкой помахал на прощание.

– Он болен, разве не видно?

Пассажир скрылся в доме, но Ренат не торопился трогаться. Он смотрел вслед археологу, словно пытался что-то понять. Ему было не по себе от этой встречи.

– Что с тобой? – заволновалась Лариса.

Ренат разразился кашлем. Это продолжалось несколько минут. Он достал платок, вытер слезящиеся глаза и недоуменно вздохнул. Казалось, пассажир оставил после себя некую угрозу. В салоне будто туча повисла.

Лариса уловила его опасения и оглянулась. Сзади что-то мелькнуло, вспыхнула желтая искра.

– Это полицейский «уазик» подъехал, – заметил Ренат. – Мигнул фарами, чтобы мы освободили проезжую часть. Дорога узкая.

– Плохой знак...

Медсестра, которую приставили к Бортникову, получила от главврача задание: наблюдать за опальным доктором. Подмечать особенности его поведения, перенимать опыт.

– Докладывать будете лично мне, Мариша, – наставлял ее главный. – Обо всем, что покажется подозрительным. Какой у этого Бортникова подход к больным? Что он с ними делает? О чем говорит? Какие лекарства прописывает?

– По-моему, он хороший врач.

– Хорошие врачи из столицы в Грибовку не переезжают! Заруби себе на носу, детка, хлебом мы еще с этим Бортниковым! Чует мое сердце. Что он тут забыл? А? Принесла его нелегкая на мою голову... Ладно, иди! – махнул рукой главный. – И не спускай с него глаз!

Мариша кивнула и выпорхнула из жарко натопленного кабинета. Главный любил тепло, боялся сквозняков, кутался и постоянно пил горячий чай. Появление в поликлинике нового доктора и обрадовало, и насторожило его. Обрадовало – потому что толковых врачей в Грибовке катастрофически не хватало; насторожило – потому что Бортников оказался не таким, как все.

Главврач звонил в Москву своему однокашнику, который осел в Минздраве, и просил навести справки о Бортникове. Выяснилось, что тот освоил несколько специализаций, защитил кандидатскую, работал в одной из ведущих клиник и готовился к докторской. Вдруг без видимых причин забросил науку, плюнул на карьеру, сорвался и поминай как звали.

Такая дикость не укладывалась в голове. Главврач долго размышлял над словами столичного чиновника и пришел к выводу, что за непонятным поведением Бортникова кроется какая-то тайна. А тайны его пугали. Поэтому он вызвал к себе смышленную сестричку и поручил ей следить за новым сотрудником.

Мариша с удовольствием согласилась. Ей нравился симпатичный и любезный Кирилл Бортников. Высокий брюнет с белозубой улыбкой производил на женщин самое благоприятное впечатление. Главное – он был непьющим. Не то, чтобы трезвенник, – просто знал меру. Это качество весьма ценилось в Грибовке, где мужчины повально злоупотребляли спиртными напитками. И врачи – не исключение.

С того вечера, когда Маришу на пустыре напугала чупакабра, а Бортников оказался рядом и пришел на выручку, между ними возникла симпатия. Вернее, девушка уже была влюблена в доктора, но тот ни о чем не догадывался. Встреча у старых барачков сблизила их. Мариша видела в Бортникове спасителя, а тот ничего не имел против.

– Меня к вам назначили, – заявила она, столкнувшись с ним в коридоре. – Вместо Авиловой.

– Значит, теперь вы будете моей помощницей?

Сухая костлявая Авилова, похожая на загнанную лошадь, была полной противоположностью этой милой девушке. Ее светлые кудряшки выбивались из-под шапочки; большие серые глаза, обрамленные пушистыми ресницами, сияли. Медицинский халат тесно облегал стройную фигуру.

– Надеюсь, Авилова не обидится, – кокетливо улыбнулась Мариша.

Авилова обиделась. Несмотря на возраст, – летом ей исполнилось тридцать пять, – она рассчитывала завязать интрижку с приезжим доктором и, если повезет, женить его на себе. Да, она не красавица, зато у нее есть половина дома с отдельным входом и кое-какие

сбережения. Ее отец владеет лучшей в городе мебельной мастерской. Она решила, что сумеет сделать своего избранника счастливым.

С того дня, когда Мариша заняла место Авиловой в кабинете Бортникова, они стали злейшими врагами.

Медсестра записывала пациентов в журнал, направляла их на анализы и всячески угождала Кириллу Сергеевичу, который разительно отличался от прочих врачей. Она буквально ловила каждое его слово и не переставала удивляться.

– Неужели в университете такому учат?

– Нет, конечно, – улыбался доктор. – Это мое собственное ноу-хау. Изобрел в процессе практики.

Он отделялся шутками, но Мариша свое дело знала. Влюбленность в Бортникова не мешала ей наблюдать за ним и докладывать главному.

– Кирилл Сергеич уйму времени тратит на каждого больного. Задает кучу разных вопросов.

– Каких, например? – хмурился главврач.

– Ну... в какой семье человек вырос, какие у него родители... чем он увлекается... какие книги любит читать... какие ему сны снятся...

– Безобразие!

– Я тоже возмущалась и даже хихикала, – призналась сестра. – Но потом поняла, что у него метод такой. Докапываться до мелочей, которые никого не интересуют, кроме него. И знаете, в этих мелочах что-то есть!

– Ничего себе! Ты одобряешь его действия?

– А как же? Он – врач, я – медсестра. Субординация требует.

– Ну да, верно, – кивал главный, прихлебывая чай. – Что еще заметила, глазастая?

– Еще... Кирилл Сергеич бывает очень задумчивый. Встанет у окна и думает, думает. Или в одну точку вперится и сидит, будто в трансе.

– При больном?

– Нет, что вы! Когда свободная минутка выдается. А еще... он дома пациентов принимает. Частным образом.

– Это мне известно.

– А еще... у него на столе стоит фото в рамочке.

– И кто на фото? Зазноба?

– Крокодил! – отчего-то перешла на шепот Мариша.

– Ишь, ты? – удивился главный. – Крокодил? Что же это значит?

– Я сама в недоумении. Кирилл Сергеич очень крокодилов уважает. Говорит, в Древнем Египте они были богами, и люди им поклонялись.

– Слушай, а как у него с головой?

– В смысле? – опешила девушка.

– Может, он ненормальный? Вопросов много задает, крокодила в рамочке держит?

– Кирилл Сергеич говорит, крокодиловой кровью лечили фараонов! Потому что она кислая. Из-за этой кислоты, по его мнению, крокодилы ничем не болеют.

Главврач поперхнулся чаем и долго, до слез, кашлял...

Ренату приглянулась улица Кирова. Несмотря на раздолбанный асфальт и деревянные домишки-близнецы, окруженные запущенными садами.

– Ты предлагала остановиться на отдых, переодеться, поесть чего-нибудь горячего, – сказал он.

Ларисе не понравились его намеки.

– Я номер предлагала снять в отеле, – возразила она. – Но ты отказался.

– Давай здесь комнату снимем.

– В одной из этих хибар? Ты издеваешься? Тут всюду печное отопление и сортир во дворе.

– Зато экзотика, – не сдавался он. – Подыщем домик с банькой, попаримся с дубовыми веничками. Мне прогреться не помешает. А любая местная хозяйка охотно нас к себе пустит. За щедрую плату, разумеется.

– Говори прямо, зачем тебе это понадобилось? Хочешь за археологом проследить? Дался он тебе!

Ренат решил не хитрить, тем более что с Ларой это не работает. Она уже раскусила его замысел.

– Хочу, – признался он. – Может, я за этим сюда и ехал.

– *За этим?* – поразилась она. – Ты впервые увидел человека, когда он голосовал на дороге! Разве вы знакомы?

– Нет.

– Тогда в чем дело?

– Поживу с ним рядом денек, другой, – узнаю.

– А я? – возмутилась Лариса. – Ты меня спросил, хочу я торчать в какой-то развалюхе, мыться в черной бане и ходить в холодный туалет?

– Мы подыщем парную баню, а не черную. Черных, вероятно, даже тут не строят.

– Успокоил! – разозлилась она.

Однако Ренат, похоже, утвердился в своем решении поселиться на улице Кирова, чтобы наблюдать за пассажиром, которого случайно подобрал по дороге. Он сам не мог взять в толк, зачем ему этот незнакомый археолог. Но вопреки протесту Ларисы тронулся с места и медленно поехал вдоль улицы, приглядываясь к домам.

Она смирилась. В конце концов, случайностей не бывает. Раз Ренат считает, что нужно остановиться именно здесь, так тому и быть.

– Умница, – искренне улыбнулся он. – Я в тебе не ошибся. Я должен благодарить Вернера уже за то, что встретил в его клубе тебя.

– Это признание в любви?

– Вот смотри, – Ренат указал на дом номер одиннадцать и притормозил. – Во дворе есть вполне подходящая банька и сарай для дров. На этой улице живут одинокие женщины. Мужья спиваются и умирают, дети ищут лучшей доли на стороне, а они остаются в опустелых семейных гнездах коротать старость.

– Печально...

Лариса вышла из машины, вдохнула воздух с привкусом дыма и приблизилась к калитке. За забором пронзительно тявкала маленькая черная собачка с обвислыми ушами. На пороге показалась пожилая хозяйка в платке и войлочной жилетке поверх свитера.

– Вам кого?

– Мы комнату ищем, – улыбнулся Ренат. – На пару недель. Сдаете?

Она степенно кивнула.

– Входите, коль не шутите.

Калитка со скрипом отворилась. Ренат закашлялся. Лариса ступила на вымощенную камнем дорожку с предчувствием беды...

– Ой, Мишаня, какой же ты худой, – причитала сестра. – Высох весь! Вас в экспедиции не кормили, что ли? Бросай ты эту работу! Могилы разорять грешно, братец!

– Все, что можно, уже до нас разорили, – вздохнул Слепцов. – Мы последки подбираем.

– Не боязно мертвецов-то тревожить? Косточки ихние ворошить? Бог накажет.

– Те, кто в курганах погребен, другому богу поклонялись, не христианскому.

– Ну и что же? Чужой бог – безжалостный! От него пощады не будет.

– Не каркай, Анюта, и без тебя тошно.

– Изболелся ты, братец, извел тебя злой недуг. Ну ничего, у нас доктор столичный объявился, я тебя завтра же к нему отведу. Уж с ангиной-то он точно справится.

– У меня болезнь хроническая. То отступит, то опять навалится. Ночью в отеле я думал, смерть моя пришла.

– Ничего. Попаришься, сразу полегчает.

Анюта истопила баню, веник березовый приготовила. Брат долго париться не смог, помылся кое-как, переоделся в чистое и есть попросил. Она накрыла стол: жареная картошка, соленья, самогон.

– Выпьем, что ли? За встречу. Давно не виделись. Что смотришь? Постарела? От такой жизни не только лицо в морщинах, сердце рубцами покрылось, – жаловалась сестра. – Мой-то пил горькую, руки распускал, пока не выгнала. Ох, и натерпелась я от него!

– Прости, я тебе плечо не подставил...

– Да я не в обиде, – махнула она рукой. – Ты далеко был, я и не ждала. Привыкла сама разгребать. Теперь сын того и гляди по отцовским стопам пойдет. Что делать, Мишаня? Как парня спасать? В Грибовке молодежи деваться некуда. Улица, дискотека, пьянки-гулянки. Пашка давеча домой на бровях явился. Я истерику закатила, а что толку? Ты бы поговорил с ним по-мужски.

– Где он, кстати?

– Гуляет с друзьями. Дома ему, видишь ли, не сидится. Скоро он школу закончит, куда дальше? Учить его надо, а на какие шиши?

– Я помогу, – пообещал Слепцов. – Если раньше того в ящик не сыграю. Худо мне, Анюта, сил нет.

– Ты что говоришь-то? Тебе ж и тридцати не исполнилось!

– А выгляжу, как старик.

– Ну... меня тоже судьба потрепала. Волосы крашу, чтобы седину скрыть. Одеваюсь во что подешевле. Баба бабой! Хоть бы с работы не поперли. У нас хозяин строгий, если выручка падает, нагоняй устраивает. Уволить грозит. Я первая под увольнение попаду. За меня заступиться некому! У меня лапы волосатой нет.

Сестра воспитывала без мужа сына-подростка. Она работала провизором в аптеке, еле сводила концы с концами. Слепцов ей сочувствовал, но денег не подкидывал. У самого пустые карманы. Виделись они редко, созванивались раз в месяц. Если бы не скрутила его болезнь, может, и не приехал бы погостить.

– Ты ешь, – спохватилась Анюта. – Разговорами сыт не будешь.

Михаил с трудом глотал картошку, запивал чаем. Он вспомнил, как в детстве они с сестрой прятались на сеновале, шептались и пугали друг друга хвостатым чертом. Как

Анюта однажды от страха побежала вниз и свалилась с лестницы. Ей наложили гипс на ногу, а Михаилу мать надавала подзатыльников и заперла в чулане. Он уже тогда мечтал стать путешественником, ездить по глухим местам, искать клады. Должно быть, археология – его призвание.

– Попробуй помидорчик, сама солила, – угощала сестра. – Капустку бери!

– Не лезет...

– А ты выпей для аппетита. Моя самогонка лучшая в городе. Чистая, как слеза, на травах настоящая.

– За сына боишься, а самогон гонишь, – упрекнул ее Михаил.

– Как не гнать-то? Я без хозяина живу, чуть что – соседских мужиков прошу проводку починить, дымоход почистить. Без самогону никак нельзя! Это наша местная валюта. И лекарство от всех болезней. Ты глотни, полезно.

Слепцову было так паршиво, что он послушался и выпил рюмку. Зеленоватая жидкость обожгла горло, теплом разлилась в желудке. Его разморило, потянуло в сон.

– Я тебе в гостевой комнате постелила, Мишаня. Отдыхай! А завтра к доктору пойдем...

Самогон ударил Слепцову в голову, ноги подкашивались. Сестра помогла ему добраться до постели, села рядом, долго говорила о чем-то... Он то проваливался в забытье, то опять слышал голос Анюты, который мешал ему полностью отключиться.

– Помнишь, Мишаня, черта хвостатого, которого мы боялись? Кто его придумал? Ты или я?

– Кажется, я...

– А может, это и не выдумка вовсе. Недавно у нас на пустыре чудище объявилось, рычит так, что волосы дыбом встают. Настоящая чупакабра! Говорят, у него и хвостище, и рога, как у черта! Оно в развалинах прячется, где раньше бараки были...

* * *

Мариша задержалась на работе допоздна, чтобы Бортников вызвался ее провожать. Иногда он засиживался в своем кабинете, что-то писал, обдумывал.

Она уже два раза пила чай в ординаторской, поболтала с санитаркой, которая делала уборку, а доктор все не выходил.

– Кирилл Сергеича поджидаешь? – прошипела Авилова. – Kleишься к нему?

Мариша вздрогнула от неожиданности. Авиловой давно пора быть дома. С какой стати она тут околачивается?

– Делать мне нечего! – разозлилась девушка. – А ты почему до сих пор здесь? Следишь за мной?

– Я так просто спросила. Вообще-то у меня сегодня дежурство. Я с Лосевой поменялась. У нее свидание.

– Врешь ты все! Зря губы раскатала, подруга. Кирилл Сергеич – не твоего поля ягода. Не надейся!

Авилова через силу улыбнулась и смерила Маришу презрительным взглядом. Что себе позволяет эта самоуверенная девчонка? Укоротить бы ей язык! А еще лучше – прикончить и закопать на пустыре. Чтобы другим неповадно было.

Пустырь издавна пользовался в Грибовке дурной славой. Когда в бараках, от которых

нынче остались развалины, еще жили люди, рассказывали, что по ночам в близлежащих зарослях раздавался жуткий вой. В комнатах сами собой хлопали двери, посуда падала на пол и разбивалась, постиранное белье кто-то завязывал в узлы. Со временем бараки обветшали, жильцов расселили, а о зловещих происшествиях забыли. И вот теперь пустырь вдруг решил подтвердить свою испорченную репутацию.

– Бортников – мой, а тебя я с дороги уберу, если сама не отступишься.

– Ой, испугала! – засмеялась Мариша, ощущая бегущие по телу мурашки.

Авилова способна на что угодно. Она – старая дева, такие ни перед чем не остановятся.

В городе приличных женихов – раз, два и обчелся. Авилова своего не упустит.

Мариша решила не злить соперницу и начала собираться домой. Подкрасилась перед зеркалом, надела шапочку. Авилова, прищурившись, наблюдала за ней.

Когда девушка вышла на улицу, Авилова накинула на себя пуховик и... отправилась следом.

Мариша шагала по облетевшей тополиной аллее. Было темно и сыро. К вечеру небо очистилось, за деревьями показалась луна. Пейзаж в синеватом свете фонарей казался мрачным.

Девушка пожалела, что не дождалась Бортникова. Все-таки Авилова добила своего: помешала ее планам. В ушах звучали слова соперницы: «Я уберу тебя с дороги, если сама не отступишься». Как Авилова это сделает? Убьет ее?

Мариша поежилась. Холод заполз под куртку, добрался до самого сердца. А может, это страх леденит душу? Она прибавила шаг. Чтобы согреться. Сзади кто-то шлепал по мокрому асфальту. Неужели Авилова?

Девушка хотела повернуться, удостовериться, что за ней идет обычный прохожий, который тоже спешит домой, в тепло и уют, за накрытый к ужину стол.

«Если это Авилова, нельзя показывать ей, что я боюсь, – подумала Мариша. – Она поднимает меня на смех, будет прикалываться и рассказывать всем, какая я трусиха. Сплетни дойдут до Бортникова. Авилова преподнесет их соответствующим образом, выставит меня душой. Будто я за ним бегаю!»

Мариша свернула на пустынную улицу и запаниковала. Вместо того чтобы обернуться и посмотреть, кто идет сзади, она метнулась в темный проулок и побежала. Ноги в модных сапожках разъезжались, каблучки застревали в грязи. Она не разбирала дороги, только бы оторваться от преследователя. Только бы тот не настиг ее!

Теперь она слышала за спиной не просто шаги, а тяжелое, хриплое дыхание. Чвак! Чвак! Это шлепал по мокрой земле преследователь. У страха глаза велики. Марише казалось, за ней гонится ужасное чудовище. Чупакабра в образе Авиловой! Сверкает налитыми кровью глазами, щелкает зубищами, возбужденно машет хвостом...

После бани Ренат выпил чаю с медом и уснул. Лариса сокрушалась, что в доме нет Интернета. Решение этого вопроса отложили на завтра. Беспольный ноутбук уныло поблескивал в желтом свете лампы. За неимением другого занятия Лариса пыталась проникнуть в сон своего спутника. Она натыкалась на обрывки горячечных видений, которые не складывались в общую картину. Похоже, Ренат сам не знает, что с ним творится. Сумерки... потоки воды... он растерянно бредет по склону, поросшему лесом...

«Иди за мной, – раздалось у Ларисы в ушах. – Иди за мной!»

Это «пароль» для входа в иную реальность. Кто зовет ее за собой? Чей это голос?

Она с трудом карабкалась по скользкому склону... вот-вот пласт размокшей почвы сдвинется и увлечет ее вниз, в ущелье. Там неглубоко, можно выбраться, если оползень не накроет с головой. Где-то рядом идет человек с ружьем... Охотник!.. Только его мишенью станет не зверь...

Прогремел выстрел... и Лариса очнулась. Стрелок исчез. Она сидит у постели Рената. Тот хрипло дышит, ворочается во сне. В комнате – две кровати с перинами, горы подушек, круглый столик, старинный шкаф с зеркалом. Обложенная изразцами печь пышет жаром.

– Это не шутки, – прошептала Лариса, вглядываясь в измученное, усталое лицо Рената. – Неужели всему виной Вернер? Он опять устроил нам испытание?

Никаких следов бывшего гуру она пока не заметила. Ей еще не попадалась ни статуэтка любимой Вернером богини Баст с головой кошки, ни обычный кот. Хозяйка котов не любит, посему и не держит.

Ренат закашлялся, но не проснулся. Стук в дверь оторвал Ларису от напряженных раздумий. Это была хозяйка.

– Я молока принесла, как вы просили...

От глиняной кружки шел пар.

– Осторожно, горячее, – предупредила женщина. – Я слышу, худо мужу-то вашему. Может, за доктором сбегать?

– Не надо. Пусть поспит. Завтра решим, что делать.

– Доктор прямо на нашей улице живет. У бабы Зины половину дома снимает!

– Знахарь, что ли?

– Знахарь! Не чета нынешним докторам. Даром что молодой! Но с дипломом, все чин-чином. Он в нашей поликлинике работает, а после работы на дому больных принимает. Никому не отказывает! Хороший человек.

– Завтра, – кивнула Лариса. – Все завтра.

Хозяйка с сочувствием смотрела на Рената. У нее мог бы быть такой же сын, если бы она в свое время не сделала аборт. Одна дите растить побоялась, а потом уж бог не дал. Наказал за грехи!

– Ладно, я пойду... А вы, если чего понадобится, зовите, не стесняйтесь. Постучайте в стенку. Я чутко сплю, каждый шорох слышу. Прибегу мигом!

– Спасибо.

Лариса вздохнула с облегчением, когда хозяйка ушла к себе. Молоко в кружке остывало на столике. Ренат перестал кашлять, и она решила его не будить. Потекли мысли: почему он поселился на этой улице? что связывает его с археологом, сестра которого проживает

неподалеку? Неспроста это все.

Ренат покраснелся во сне, губы сухие, обветренные, голова утопает в пуховой подушке. Края наволочки обшиты вязаными кружевами, в уголках – вышитые цветы. Хозяйка, видать, рукодельница. Здесь многие коротают вечера за спицами, крючком и пальцами.

Ренат пошевелил губами, словно откликнулся на мысли Ларисы. На самом деле он был далеко отсюда... за тридевять земель. За ним по пятам шел охотник...

* * *

Слепцов вскочил посреди ночи, хватая ртом воздух. Ему казалось, он от кого-то бежит... но его настигает неведомый враг. Раздается ужасный хруст, это ломаются, крошатся его шейные позвонки...

Он сел на кровати, отдышался, огляделся по сторонам. Где он? На палатку не похоже. Стены сложены из бревен, в углу икона висит. Пресвятая Богородица в позолоченном окладе. Золото фальшивое, облезает по краям. Под иконой лампадка теплится.

Слепцов потрогал руками горло, покачал головой и перекрестился. Не то, чтобы он верил в Бога, – просто так, для облегчения души. Авось, поможет. Ангина его душит, от этого кошмары чудятся. И во сне, и наяву.

Ему захотелось пить. Он сунул ноги в тапочки и тихо, стараясь не шуметь, вышел в горницу, налил себе теплой воды из термоса. В окно заглядывала луна, окутанная белой дымкой. Михаил вспомнил, что гостит у сестры: приехал подлечиться у местного знахаря. Было больно глотать даже воду, но он терпел, радовался, что наконец-то обрел надежду на выздоровление.

Печку на ночь натопили, однако его знобило. Он поискал свитер. Вещи из рюкзака сестра постирала, но запасной свитер был чистый, ненадеванный. Слепцов купил его перед отъездом из Турана.

Он вернулся в комнату. Свитер висел на спинке стула, рядом с его кроватью. Михаил оделся, стуча зубами от холода. Наверное, температура поднялась, вот его и колотит. Где же таблетки? Должны быть в рюкзаке. После ужина его сморило, и он забыл принести их в комнату.

Слепцов отправился на поиски рюкзака. Сестру будить не стал. Навязался на ее голову, а ей и без него хлопот хватает. Где же рюкзак? Он обшарил вешалку у двери, накинул на плечи куртку и вышел на веранду. Рюкзак висел на крючке рядом с прорезиненным плащом и старой кофтой.

Михаил достал упаковку таблеток, сразу сунул одну в рот и скривился от горечи. Рюкзак тут оставлять нельзя. Сестра на сына жаловалась, может статься, тот не только к бутылке прикладывается, но и на руку не чист.

«Чего у меня брат-то?» – подумал он, но рюкзак все же повесил на плечо. Вещь добротная, продать можно и кое-каких денег выручить. На выпивку. Лучше не соблазнять племянника, чтобы потом скандала не вышло.

Слепцов вчера уснул, не дождавшись парня. Утром надо будет поговорить с ним по-мужски, усовестить. Чтобы мать пожалел. Она с мужем намаялась, теперь сын от рук отбил. Хотя вряд ли парень станет дядьку слушать. Молодежь нынче дерзкая пошла, ленивая и циничная. До них не достучишься.

Анюта просила летом взять Пашку в экспедицию, но к раскопкам не подпускать. Пусть, мол, дрова заготовливает, по воду бегаёт, посуду моет. Тогда почувствует, как деньги достаются. Может, одумается, возьмётся за ум.

– До лета ещё дожить надо, – вздохнул больной и потопал обратно.

В горнице было тепло, пахло лампадным маслом и дровами. Он только сейчас заметил, что раскладной диван, застланный плюшевым покрывалом, стоит пустой. Похоже, Пашка заночевал у друга или подруги. Непутевый сын у Анюты растёт. С этой мыслью Слепцов запил таблетку и налил себе ещё воды в чашку.

В голове у него шумело, коленки дрожали. Он закрылся у себя в комнате и лег. Пуховое одеяло не грело. Горло разболелось, как будто его сжимали раскаленными клещами. Михаил провалился в бредовое забытие, где он бродил по лесу с ружьем в поисках дичи...

Он забирался все дальше и дальше, карабкался по склонам и спускался в ущелья... Вверх-вниз, вверх-вниз... Все тело гудело от усталости, ноги подкашивались... В пихтовых зарослях изредка попадались вросшие в землю стелы с руническими надписями. Как археолог, он мог бы заинтересоваться ими, но нет... Его влекло нечто иное. Он искал, сам не понимая, что...

Странная одержимость гнала его вперед. Он надеялся на интуицию, которая вела его. Он, словно в трансе, подчинялся подсознательному голосу... Он не знал, чей это голос и куда зовут его...

Слепцов страшно устал и уселся на замшелый камень – валун, обкатанный давним ледником, – скинул рюкзак, развязал и заглянул внутрь...

Его бил озноб, который перешел в жестокую лихорадку... Нахлынула тошнота, в груди запольхал пожар, рассудок помутился... Он хотел позвать на помощь, но язык его не слушался...

Утром Анюта заглянула в комнату, где спал брат, и увидела пустую кровать. Постель была смята, на полу валялся рюкзак... а больного и след простыл.

– Да что ж это такое! – испугалась она. – Пашки нет, Миши нет!

Мобильный сына не отвечал. Либо тот нарочно отключил телефон, либо забыл зарядить. А сотовый брата лежал на столе.

Анюта сквозь сон слышала какие-то шаги, скрип половиц, но подумала, что это Пашка явился. Не стала вставать, чтобы не сорваться и не устроить ссору при брате. Тот в кои-то веки приехал погостить, а они с первого дня испортят ему настроение.

То, что Пашкин диван оказался пуст, ее не удивило. Такое случалось время от времени. Загулял парень, остался на ночь у друзей. Она сама его просила, чтобы в темноте мимо пустыря не ходил. Не ровен час, беда приключится.

Но куда мог подеваться брат? Он болен, слаб и едва держится на ногах. Куда его понесло ни свет ни заря? И почему тайком?

Анюта прижала руки к груди. Сердце заныло от тревоги. Она метнулась к вешалке, проверила одежду. Куртка брата на месте, ботинки тоже. Не раздетый же он ушел? И телефон оставил...

– Господи!.. Что случилось-то?

Хлопнула входная дверь, и в дом ввалился Пашка. Мать оторопела, глядя на него: без шапки, челка прилипла ко лбу, глаза вытаращенные, дышит так, словно бежал стометровку.

– Что с тобой, сынок?

От подростка разило водкой, он покачнулся и чуть не упал. Анюта подхватила его под мышки и повела в горницу, к печке – греться, отпаивать чаем.

– Где тебя носит? Почему не позвонил, что ночевать не придешь? Я же просила!

– З-забыл...

– А к нам дядя Миша приехал, в гости.

Пашка пропустил ее слова мимо ушей. Он привалился к окну, отодвинул занавеску и выглянул на улицу.

– Ты чего такой взъерошенный? – забеспокоилась мать. – За тобой гнался кто?

– Отстань...

Она помогла ему снять куртку и усадила на лавку, покрытую плетеным ковриком. Парень явно был не в себе.

– Ты что пил-то? Казенку или самогон?

Анюта наклонилась к сыну и принялась. Кроме водки, от него ничем не пахло. Значит, не курил. Может, наркоту пробовал?

Она вспомнила о брате, и всплеснула руками. Мишаня исчез, Пашка явился бухой. Все одно к одному!

Вдруг в доме раздался стук, будто кто-то в двери ломится, и крик.

– Че это, ма? – всполошился сын, трезвея. – Слышишь?

– Не знаю...

Анюта побежала на звуки и очутилась перед дверью в чулан, где хранился ее фирменный горячительный напиток. Снаружи висел замок. Она запирала чулан, чтобы Пашка не добрался до выпивки.

– Помогите... – донеслось из-за двери. – Выпустите меня!..

Анюта подергала замок. Закрыт! Ключи она прятала у себя в комнате, за иконой. Взять их оттуда никто не мог. Пашки дома не было, а Мишаня...

Бух! Бух! Бух! – кто-то колотил изнутри в дверь чулана. Хозяйка ойкнула и побежала за ключами...

Грибовка была обычным провинциальным городком с признаками застоя и угасания. По мнению Бортникова в жизни в принципе не бывает точки стабильности. Если что-то не развивается, оно непременно будет разрушаться, опускаться ниже и ниже, пока не дойдет до самого дна. Впрочем, где это дно и как быстро его можно достигнуть?

Доктор на себе проверил это правило и убедился, что оно верно не только для живых организмов и материальных объектов, но и для вещей неуловимых и эфемерных – таких, например, как человеческие чувства и даже пресловутые «духовные искания». Если дух не устремлен ввысь, он погрязнет в низменных страстях и деградирует до уровня животных инстинктов.

Должно быть, Бортников выбрал извилистый путь к саморазвитию, потому как почти добравшись до вершины, понял, что не туда попал. То ли ошибся в выборе, то ли заблудился, и «вершина» на поверку оказалась обманкой.

Он тяжело переживал разочарование. Оттого и забрался в глушь, чтобы в уединении зализывать раны. Однако же надо на что-то жить, и Кирилл устроился терапевтом в поликлинику, где не хватало врачей. Поскольку он являлся специалистом «широкого профиля», скоро к нему стали бегать за советами сначала коллеги-эскулапы, потом грибовское начальство, бизнесмены и их склочные жены, которые жаловались на депрессию, нервы и головные боли.

Женщины любят лечиться, в отличие от представителей сильного пола. Они-то и составили основную клиентуру Бортникова, который отказался от карьеры в столичной клинике и решил похоронить себя в глубинке. Поговаривали, что всему виной – несчастная любовь. Дескать, не добившись взаимности от красавицы-модели, которую он вылечил от анорексии, доктор хотел застрелиться. Потом передумал, уволился с работы и укатил, куда глаза глядят. Он нашел подходящее лекарство от отчаяния и сердечной боли – спасти других и тем обрести спасение для себя.

Когда до ушей Кирилла дошли эти слухи, он не знал, смеяться или ругаться. Пожилые докторши сочувственно поглядывали на него и вздыхали, медсестры украдкой перешептывались за его спиной. Сначала его это забавляло, а со временем стало раздражать. Но он смирился.

Бортников поселился у старухи-вдовы в деревянном доме с настоящей русской печью, резными наличниками, ставнями на окнах и геранью на подоконниках. Вдова души в нем не чаяла и относилась, как к сыну. Тем более, что оба ее отпрыска забыли и думать о матери. Один уехал на нефтепромысел за длинным рублем, другой спился, надебоширил и угодил за решетку. Внуков Зинаида Петровна так и не дождалась, зато в ее безрадостной судьбе появился Кирилл, о котором она могла заботиться.

Этим осенним утром она готовила жильцу завтрак – молочную кашу, пышки с вареньем и чай. Доктор не отказывался от опеки, чтобы не обижать хозяйку. Он хвалил ее стряпню и терпеливо выслушивал стариковские жалобы.

Зинаида Петровна накрыла на стол и села, поджидая жильца. Сегодня у него вторая смена, а с утра – свободное время. Обещал дров наколоть.

Во дворе загремел цепью, зашелся лаем Дружок – рыжий пес с пушистым хвостом. Вдова поднялась и выглянула в окно. По дорожке шагала «вертихвостка» – так она называла

медсестру Маришу. Та приходила помогать доктору вести прием. Но сегодня они, кажись, не договаривались.

Хозяйка поспешила во двор и перехватила бледную Маришу с красными глазами.

– Что случилось? Матери плохо?

– Нет...

– Тогда в чем дело? Дайте человеку поесть спокойно! Он вчера пришел поздно, спать лег за полночь. Ему без отдыха нельзя. Он людей лечит!

– Простите, баба Зина, он мне очень нужен...

– Он всем нужен!

Бортников услышал голос Мариши и вышел на крыльцо, одетый по-домашнему в спортивный костюм, с полотенцем в руках.

– Умыться человеку не дали, – сердито поджала губы хозяйка. – Ладно, идите завтракать. Каша стынет!

Она, шаркая ногами, отправилась в кухню, а доктор пригасил Маришу составить ему компанию за столом.

– Я по делу, – смущенно пробормотала девушка.

– За едой и расскажешь.

– Неудобно. Баба Зина меня не любит. Вы ешьте, а я здесь подожду.

– Так не пойдет, – засмеялся Бортников и внимательно пригляделся к гостье. – Да ты плакала! Кто-то обидел?

– Я всю ночь не спала, – понизив голос, призналась девушка. – У нас в Грибовке маньяк завелся! Ей-богу! Он вчера гнался за мной! Убить хотел! Я еле ноги унесла...

– Маньяк?

– Мне страшно, Кирилл Сергеич... руки до сих пор дрожат. Вот...

Она растопырила пальцы, которые мелко подрагивали, идохнула на доктора валерьяной.

– Небось, опять в темноте домой возвращалась? И опять мимо пустыря?

– Это случайно вышло. Я так испугалась, что бросилась бежать... и нечаянно не в тот проулок свернула...

У Мариши на языке крутилась Авилова. Она чуть не сболтнула, что та ей угрожала. Отец Авиловой мог нанять человека, чтобы тот прибил соперницу дочери. Не насмерть, а покалечил. Кому калека нужна? Уж точно не доктору Бортникову.

Но девушка не рискнула обвинять Авилкову без доказательств. Это глупо. Придется объяснять, что Авилова ревнует ее к Кириллу. Как он это воспримет, неизвестно.

– В прошлый раз ты на чупакабру грешила, сегодня – на маньяка, – улыбнулся доктор. – Может, тебе нервы подлечить надо?

– Потому я к вам и пришла. Дайте мне настойки от нервов. Покрепче! Я от собственной тени шарахаюсь... и сон пропал. Совсем! Я до утра глаз не сомкнула, как ни старалась...

* * *

Ключ от чулана оказался на месте. Аня сунула его в карман и бегом вернулась к двери.

– Эй, кто там? – спросила она.

– Выпустите меня...

Голос был хриплый, как у Мишани. Неужели, это он?

– Пашка!.. – вне себя от злости крикнула женщина. – Пашка, стервец!.. Поди сюда!.. Я тебе покажу, шутки шутить!.. Я тебе дам!..

Сын и не подумал прийти на ее зов. Видно, рыльце у него в пуху. Понял, что переборщил.

Она вставила ключ в скважину, повернула, и замок открылся. В чулане было темно. Как назло, лампочка перегорела.

– Мишаня, ты, что ли?

Раздался радостный возглас, из-за полки с бутылками показался брат – в свитере, спортивных штанах и носках. У него зуб на зуб не попадал от холода. Он трясся, обхватив себя руками за плечи.

– Мишаня! – кинулась к нему сестра. – Да как же это?.. Ты ведь замерз весь!.. Зачем ты сюда полез?

– Я не лез...

– Он тебя заманил в чулан и запер, – причитала Аня. – Скотина!.. Ты же болен, Мишаня...

Она притащила брату тапочки, налила своего зелья и силком заставила выпить. Потом повела его в комнату, уложила в постель и накрыла пуховым одеялом до подбородка.

– Пашка, мерзавец!.. Ты у меня получишь... На этот раз ты меня допек!..

Аня потрогала лоб больного и ужаснулась. Он горел. Ничего удивительно, что у него соображение отшибло. Не помнит ничего.

– Пашка! – крикнула она. – Иди сюда!.. Убью, сволочь!

В дверном проеме показалась растерянная физиономия сына.

– Ты че, ма...

– Погляди, что ты натворил, окаянный! Не дай бог, Мишаня помрет... Сколько он в чулане просидел?

– В чулане?.. – не понял парень. – Че он там забыл?

– Че да че! Через плечо! – вызверилась мать. – Ты меня до греха доведешь!.. Паскудник! Вылитый папаша! Все бы вам пакостить... Ладно, проехали. Мне за доктором бежать надо, а ты посиди с дядькой... Да гляди, не учуди ничего! Я мигом...

Бортников пил чай, Мариша сидела напротив и ковыряла ложкой кашу, когда залаял Дружок. В калитку влетела соседка и напрямик поспешила в дом.

– Ой, Анюта! – огорчилась Зинаида Петровна. – Ее-то каким ветром принесло? Что за день сегодня? Не дадут человеку поесть спокойно!

Она покачала головой и вышла встречать незваную гостью. Мариша внимательно прислушивалась к голосам во дворе. Травяная настойка, которую дал ей выпить доктор, еще не подействовала. Девушка была на взводе, и кусок не лез ей в горло. Она отложила ложку.

– Не легчает? – посочувствовал Кирилл.

– Что за жуткие звуки раздаются на пустыре? Будто сама смерть рычит и воет.

Он пожал плечами. О криках на пустыре говорила не только Мариша, но и другие люди. Он сам пару раз слышал отголоски каких-то надрывных звуков, для которых слова не подберешь. В чертей он не верил, в чупакабру тоже. Может, в развалинах поселилась выпь или бешеная лисица?

– Где твой квартирант, баба Зина? – донесся из сеней взволнованный голос соседки. – Веди меня к нему! У меня брат помирает!

– «Скорую» вызывай...

– Пусти!

Анюта решительно потеснила хозяйку и ворвалась в кухню. Мариша ошалело уставилась на растрепанную, испуганную женщину.

– Кто умирает?.. Где? – поднялся из-за стола Бортников.

– Бежим...

Он без лишних вопросов собрался, взял свою врачебную сумку и вышел на крыльцо.

– Я с вами, – увязалась следом Мариша. – Может, моя помощь понадобится.

Анюта бежала впереди, они торопливо шагали за ней.

– Это, случайно, не провизорша из аптеки? – на ходу спросил доктор.

– Ну да, – подтвердила девушка. – Анюта Слепцова! Ее все знают.

– У нее больной брат? Чем хворает?

– Она вроде бы с сыном живет. Тут, неподалеку. Вон ее дом!

Анюта привела их к постели брата. Тот выглядел ужасно: глаза мутные, трясется в ознобе, горит.

– Ангина у него. Хроническая. Я его наутро к вам вести хотела, но вышло наоборот. Вы к нам пришли. Христом Богом прошу, помогите! Я вам заплачу! Один он у меня из всей родни остался, кровиночка.

Она не сказала про холодный чулан, где брат просидел, неизвестно сколько, по вине Пашки. Язык не повернулся родного сына подставить. С Пашкой она сама разберется. Главное – чтобы Мишаня поправился. Не дай господи, он по ее вине помрет. Тогда хоть в прорубь! Хоть в петлю!

– Градусник, – потребовал Бортников, осматривая пациента. – Да, горло неважное. Я бы сказал, страшное горло. А что он принимает?

– Вот его таблетки, – сказала провизорша, указывая на стол. – Он их пачками глотает. В принципе эффективные лекарства. Только на него почему-то не действуют.

– И давно у него проблемы с горлом?

Анюта наморщила лоб, припоминая, когда братец первый раз заболел.

– С пятнадцати лет.

– А что послужило причиной? Холодную воду пил? Или застудился сильно?

– Застудился. Отец наш агрономом работал, часто брал Мишаню с собой в поля. Хотел, чтобы сын по его стопам пошел. А брат мечтал стать путешественником, клад отыскать. Отец его и так, и сяк от этих мыслей отваживал. Но Мишаню не перепрещь. У нас в роду все упертые!

– Что же он ангиной заболел, в знак протеста?

– Нет. Отец его однажды в «кукурузник» посадил, покататься. Думал, Мишаня увидит сверху деревенские угодья, и у него дух захватит. А получилось по-другому. Брата ветром продуло, и он в тот же день с лихорадкой свалился. Тяжелейшую ангину подхватил. Пришлось его в больницу везти. Пролежал там неделю, не меньше. С тех пор чуть что – горло. Так и пошло!

– Какой в «кукурузнике» ветер? – удивился Бортников. – Разве там кабина открытая? Это же транспортник, который людей перевозит.

– Ну, я не знаю... – развела руками Анюта. – Так родители говорили. Я-то сама в «кукурузнике» не летала. Только в небе видела. Самолет с двойными крыльями.

– Значит, с той поры и началась хроника?

– Ага! Мишаня как чувствовал, ни за что не хотел в «кукурузник» садиться. Но отец его уговорил. Теперь он самолетов видеть не может.

– Интересно...

Бортников выслушал больного, велел полоскать горло, ставить компрессы, заваривать травы, пить кислый брусничный морс, лежать в постели, греться. Обычное лечение. У него были вопросы к Михаилу, но задавать их сейчас бессмысленно.

– Скажите, доктор, он поправится? – с замиранием сердца осведомилась хозяйка.

– Полагаю, да. Температура высокая, но не критическая. Горло отекшее, воспаленное, но серьезной угрозы это не представляет. Мне не совсем понятно, чем вызвано состояние стресса у вашего брата... Как будто он пережил сильное потрясение. Я ему настой зверобоя рекомендую: и воспаление снимет, и нервы успокоит. Впрочем, вы фармацевт, вам это должно быть известно.

У Анюты свалился груз с души. Зря она подняла панику. Мишаня просто устал с дороги, вымотался. А тут еще казус с чуланом! Угораздило же его поддаться на Пашкину хитрость. Она ломала голову, как сыну, который явно под мухой, удалось повернуть этот дурацкий фокус.

Мариша молча наблюдала за процессом, слушала, мотала на ус. В привычной ситуации оказания медицинской помощи она немного успокоилась, забыла о своих страхах.

За все это время больной не произнес ни слова. Он словно отсутствовал, погрузился в свое недомогание и почти не реагировал на окружающих. Он дал осмотреть себя, но делал это машинально, не понимая, что происходит.

– Где можно помыть руки?

– Идемте, доктор...

Хозяйка отвела Бортникова к умывальнику, дала чистое полотенце. Мариша осталась с пациентом. Тот лежал с закрытыми глазами и тяжело дышал. Она убрала фонендоскоп в сумку и тихонько вышла.

– Я зайду еще раз, – говорил доктор Анюте. – Проведаю вашего брата. Я должен

убедиться, что динамика положительная. Надеюсь, никаких неприятностей не будет. Но в случае чего вызывайте неотложку...

* * *

Проводив доктора и медсестру, Анюта глотнула самогонки для успокоения и взялась за сына. Пашка сидел в своей комнате сам не свой. Он почти протрезвел и, когда увидел разъяренную мать, приготовился к худшему.

– Ну, ты и скотина! Ты же человека мог угробить! Дядьку своего!

– Да ты че, ма...

– Ты мне не чекай! Зачем ты Мишаню в чулане запер? Как ты мог до такого додуматься?!

Наградил меня боженька идиотом! За какие грехи, спрашивается?

Она бушевала, а непутевый отпрыск хлопал глазами и мотал головой. Анюта с трудом сдержалась, чтобы не дать сыну подзатыльник. Поздно уже бить такого увальня. Что ему бабий подзатыльник? Его бы ремнем отходить, да некому.

– Ты ворюга! Ключ у меня украл, а потом на место вернул?! Думал, проведешь мать-то?

Я еще мозги не пропила, как папаша твой!

– Не брал я ничего...

– Будешь врать, прибыю!

Она замахнулась на сына кулаком, тот закрыл голову руками и... заплакал. Анюта оторопела. Она ожидала чего угодно, кроме слез. Пашка рос упрямым и дерзким. Чтобы заставить его заплакать, надо постараться.

Материнское чутье подсказало ей, что с парнем приключилась беда. Она сразу остыла, села рядом и обняла сына за плечи.

– Признавайся, сынок, что с тобой? Не молчи! Иначе как я тебе помогу? Во что тебя твои дружки втянули? Говори. Они в колонию попадут и тебя за собой потянут. А у меня денег нет откупаться. Не рви ты мне сердце!

Слово за слово, она выведала у парня кое-что пострашнее истории с чуланом. Оказывается, вчера вечером ребята распилили бутылку и поспорили, кто не побоится в темноте по пустырю пройти – до барачков и обратно.

– Ой, сынуля!.. – ужаснулась мать. – Неужто ты вызвался? Узнаю дурную кровь! Спьяну твой папаша тоже герой. Таких дров мог наломать!

– Я не хотел... Они меня трусом обозвали! Смеялись надо мной...

– И ты решил доказать свою храбрость?

– А что мне оставалось...

– Я тебя просила на пустырь ни ногой? Просила? Ты мне обещал, между прочим! Кто знает, что там за нечисть водится? Люди всякое болтают...

– Я не трус, – промямлил Пашка, шмыгая носом.

– Ты моей смерти хочешь! – запричитала Анюта, прижимая руки к груди. – Что за блажь по пустырю шляться? Да еще в одиночку! Если ты себя не бережешь, хоть меня пожалей!

– Там возле барачков мертвяк лежал...

– Что? – задохнулась мать. – Ты в своем уме? Какой... м-мертвяк?

– Натуральный... труп...

– Не пугай меня, сыночка!

– Я сам чуть не умер от страха... Иду, луна светит... и вдруг вижу... на земле лежит что-то... Если бы не водка, я бы не пошел!.. А так... стыдно было отказаться...

– Пьяному море по колено, да?

– Ой, ма... ты же сама меня учила никогда не отступать...

– Тебе не почудилось?

– Не знаю, – нахмурился Пашка. – Думаешь, показалось?

– А дружки твои... тоже труп видели?

– Не-а... я им не сказал... У меня ноги подкосились, я рванул в кусты... напролом... круг сделал... заблудился... опять к баракам вышел... а там в развалинах огонек мерцает... В общем, не помню, сколько времени прошло...

Анюта взяла сына за плечи и встряхнула.

– Смотри мне в глаза! Ты это нарочно придумал, пока тут сидел? Чтобы я тебя за дядьку не ругала?

– При чем тут дядька, ма?.. Ты мне не веришь?.. Я его в глаза не видел! Не знал, что он приехал!

– А ключ из-за иконы кто взял?

– Это не я! Клянусь! Я с пустыря сразу домой...

– Значит, ты дядьку в чулане не закрывал?

– Я что, псих? – обиделся парень. – На кой мне его закрывать? Чтобы ты потом орала?..

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Иеронимус Босх (ок.1450–1540) – фламандский живописец, тематика его картин – многообразие человеческих грехов, безумие, в которое погружены люди. Даже святые на его полотнах одержимы искушениями дьявола.

Подробнее можно прочитать об этом в романе Н. Солнцевой «Иди за мной».